

Школа будущего — это место,
где ребенку прежде всего интересно.

Татьяна Бусаргина, StudyLab — Обучение за рубежом

Кен Робинсон · Лу Ароника

ШКОЛА БУДУЩЕГО

Как вырастить
талантливого

— *r* —
[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Оглавление

Предисловие партнера издания	9
Введение. За минуту до полуночи.....	13
Глава 1. Назад к истокам	29
Глава 2. Изменяем аналогии.....	64
Глава 3. Изменяем школы	100
Глава 4. Прирожденные ученики.....	126
Глава 5. Искусство преподавания.....	158
Глава 6. Что стоит знать?	197
Глава 7. Ох уж это тестирование!	235
Глава 8. Принципы для директоров школ	266
Глава 9. Семья и школа	296
Глава 10. Изменение климата.....	322
Послесловие	356
От автора	362
Примечания	364

[<>>](http://kniga.biz.ua)

ГЛАВА 1

Назад к истокам

В ряд ли доктор Лори Бэррон обиделась бы на своих учеников и коллег, если бы они до ее прихода на пост директора средней школы Смоки-роуд в Ньюенене поменяли дверь в директорском кабинете на врачающуюся. Дело в том, что всего за пять лет работы школы в ней сменилось уже четыре директора. «Не подумайте, что все они были плохими и неэффективными лидерами, — объясняла мне Лори. — На самом деле это весьма успешные руководители, старше и намного опытнее меня. Трое из них впоследствии стали инспекторами школьных округов. Проблема заключалась в сроках их пребывания на посту. Все прежние директора управляли школой недостаточно долго для того, чтобы начать в ней что-либо менять».

Надо отметить, для Смоки-роуд это, очевидно, было довольно проблематично, ибо сухие цифры говорили отнюдь не в пользу этого учебного заведения. Ньюенен расположен примерно в шестидесяти километрах от Атланты; почти 20 процентов его населения живет за чертой бедности, и более 60 процентов учеников школы Смоки-роуд относятся

к категории малообеспеченных. Когда Лори пришла в Смоки-роуд (это произошло в 2004 году), школа стабильно занимала по успеваемости последнее место среди пяти средних школ своего округа. А еще Смоки-роуд могла «похвастаться» рекордным числом прогулов, самыми частыми обращениями в органы дисциплинарной юрисдикции; самым большим количеством уголовных обвинений, предъявленных несовершеннолетним; и наибольшим процентом учеников, переведенных в альтернативные системы образования из-за постоянных проблем с дисциплиной. Школа явно нуждалась в помощи на самых разных уровнях, но Лори решила, что в первую очередь в Смоки-роуд нужно создать ощущение стабильности и безопасности.

«В первый год своего директорства я только то и делала, что, курсируя между партами, разнимала дерущихся учеников. Меня часто спрашивали, какую информацию мне удалось собрать, а я раз за разом отвечала, что никаких данных у меня пока нет. Я вообще-то человек очень организованный и во всем опираюсь на факты, но, просматривая свои записи за девять лет пребывания в Смоки-роуд, обнаружила, что за первый год они просто отсутствуют. А все потому, что я тогда сосредоточилась исключительно на том, чтобы обеспечить хоть какую-то безопасность учащихся. Ни один ребенок не мог чувствовать себя в то время в школе спокойно и комфортно, потому что то там, то тут постоянно возникали стычки и бесконечные перепалки по любому поводу».

Итак, поначалу Лори Бэррон потратила уйму времени на то, чтобы пресечь постоянные конфликты, и гораздо чаще, чем ей бы того хотелось, отстраняла учеников от занятий и отправляла домой. Это была необходимая мера. Лори поняла, что если ученики либо дерутся, либо боятся, что

их вот-вот втянут в драку, то о нормальной учебе не может быть и речи. К концу первого года Лори установила целый ряд новых правил, благодаря которым дети начали четко понимать, какого рода поведения от них ожидают. Но самым важным было то, что Лори вернулась в школу на следующий год. Это положило конец порочной практике «вращающейся двери» и позволило Смоки-роуд приступить к разработке конструктивного долгосрочного плана, призванного сломать негативные традиции, прочно укоренившиеся в школьной культуре.

«Нашу школу никто не считал хорошей, но все относились к этому факту как к чему-то само собой разумеющемуся. Наши показатели никого особенно не разочаровали. Все рассуждали приблизительно так: «Это совсем неплохой результат, учитывая, в каких условиях им приходится работать». Иными словами, мы вполне могли оставаться там, где находились. Но уже на второй год мы задумались над тем, где бы хотели оказаться. Прежде всего нам следовало добиться, чтобы у детей появилось желание посещать школу. Мы целый год разрабатывали свою миссию и видение. И именно в это время поняли, что нам нужно лучше узнать своих ребят. Это был очень длительный процесс, в котором участвовали учителя, ученики, наши деловые партнеры и представители местной общины. Мы создали родительско-учительский комитет. Я видела, что многие учителя верили в наших детей, но не думаю, что это происходило на уровне школы как учебного заведения или местного сообщества. Но учителя действительно верили, ведь некоторые отличные педагоги до сих пор работают в Смоки-роуд. Однако всеобъемлющей миссии у нас не было».

Со временем видение превратилось в четкий план из четырех пунктов. На первом месте стояла задача убедить детей

посещать школу. Как уже говорилось, Смоки-роуд «славилась» очень низкими показателями посещаемости, и Лори поняла, что в школе просто не сформирована культура, в рамках которой дети бы чувствовали, чтоходить на уроки действительно важно. А еще она поняла, что *сама* является частью данной проблемы. «Я ведь постоянно отстраняла ребят от занятий за драки, — говорит Лори, — и этим, конечно же, вряд ли показывала им, что ожидаю от них присутствия на уроках».

На следующем этапе директору и ее команде предстояло позаботиться о создании безопасной обстановки в школе. Драки и стычки в Смоки-роуд редко приводили к серьезным травмам, но чтобы детям было комфортно и они не отвлекались от учебы, следовало прекратить эту порочную практику.

Далее школьникам необходимо было показать, что их высоко ценят как личности. Настоящий прорыв на этом фронте произошел, когда Лори и учителя пришли к выводу, что при работе с каждым учеником надо исходить из его личных потребностей и интересов. (Подробнее об этом чуть позже.)

И наконец, четвертый шаг состоял в переходе на соответствующую учебную программу, которая бы готовила учащихся к успеху в будущем. Обратите внимание, что Лори поставила этот пункт последним в списке четырех основных задач школы. Учебная программа была невероятно важна, но только после достижения первых трех целей. Это относилось и к оценке качества преподавания.

«Мы действительно решили не фокусироваться на преподавании, ведь оно и так все время велось. Я понимала, что проблема вовсе не в том, что наши учителя не умеют учить детей, а в многочисленных препятствиях, которые мешали им делать это как следует. Я чувствовала, что если бы мы представили класс в их распоряжение на семьдесят пять минут, они

наверняка бы знали, как этим воспользоваться. В любом случае, прежде чем оценивать работу учителей, нам надо было пройти три первых этапа. Без этого мы не могли объективно оценить качество преподавания и трудности, с которыми сталкиваются учителя, ведь проблема могла корениться и в низкой посещаемости, и в обстановке, сложившейся в школе, и в неправильно спроектированных взаимоотношениях с детьми. Со временем мы ввели практику еженедельного посещения занятий в каждом классе. Мне и двум моим помощникам за неделю удавалось побывать на уроках всех учителей школы. Обратите внимание на то, что это вряд ли было возможно, если бы в мой кабинет из-за проблем с дисциплиной присыпали по семидесят ребят в день, как это было раньше».

Ситуация в Смоки-роуд начала меняться только после того, как Лори всерьез задумалась об интересах и приоритетах своих учеников. «Что важно для школьника, важно и для нас. Причем в равной степени, будь то футбол, рок-музыка, математика, английский язык. Мы не собирались говорить детям, что футбол менее значим, чем математика. Наш подход был таким: если футбол для тебя важнее всего на свете, мы сделаем все возможное, чтобы ты мог им заниматься. Когда мы внедрили этот подход и наши ребята увидели, что мы действительно ценим то, что ценят они, наши взаимоотношения с детьми стали налаживаться, а ученики, в свою очередь, начали испытывать угрызения совести, если не оправдывали наших ожиданий. Даже когда кто-то из них был совсем не в восторге, скажем, от математики, он не хотел подводить учителя. Наконец-то сложилась ситуация, когда учителя могли учить детей, а не строчить жалобы в дисциплинарные комиссии.

У меня есть педагоги, которых совершенно не интересует футбол, но они непременно пойдут на матч и будут болеть

за Бобби, а на следующий день “вставят” этого Бобби в уравнение, объясняя классу новую тему. И Бобби потом сделает все от него зависящее, чтобы не подвести учителя».

При переходе к новым ценностям Лори пришлось отказаться от моделей, спускаемых в школу штатом и федеральными властями, равно как и от любых элементов мышления типа «мы же всегда так делали». И в большинстве случаев это отлично срабатывало. Например, один ученик Смоки-роуд был превосходным атлетом, но остался на второй год в шестом классе, в основном из-за того, что в пятом получил более тридцати дисциплинарных взысканий. А когда Лори удалось убедить мальчика, что она согласна с тем, что легкая атлетика для него важнее всего, проблем с дисциплиной стало заметно меньше. «В шестом и седьмом классах у него было всего два направления в дисциплинарную комиссию. И парень успешно сдал все стандартизированные тесты. Этот ученик был афроамериканцем, учился по программе коррекционного образования и получал бесплатное питание — словом, являлся типичным представителем конкретного сегмента статистики с вполне четко очерченным будущим. Мы сказали ему, что хотя спорт для него, похоже, важнее всего, мы поможем ему справиться и со всеми остальными предметами».

Лори привела мне еще один интересный пример. «У нас в школьном хоре поет одна девочка: она белая, из малоимущей семьи, занимается по коррекционной программе. Когда она училась в четвертом классе, у нее умер отец. Ученица замкнулась в себе и перестала чем-либо интересоваться. В шестом классе она не прошла тестирование. А потом наш руководитель хора что-то в ней разглядел и дал ей соло. В ноябре она солировала на школьном концерте и весь остальной год училась на отлично. Но этого никогда не случилось, если бы учитель

вовремя не уловил ее желание петь и не понял, насколько для нее это важно. Надо всегда внимательно относиться к увлечениям ребенка.

Наши учителя никогда не говорят всему классу: “Вы все должны пройти этот тест по математике”. Они подходят к каждому ребенку индивидуально: “Слушай, ты ведь хочешь играть в оркестре, причем первую партию? Хорошие отметки по математике тебе в этом наверняка не помешают”. Вы можете убедить любого ребенка сделать вам одолжение, но вот заставить группу детей делать это по принуждению вам не удастся». Изменения в школе Смоки-роуд были очевидны для всех, статистика заметно улучшилась. Экзаменационные баллы выросли во всех подгруппах. В частности, среди учеников, обучающихся по программе коррекционного образования, они улучшились на 60 процентов по математике и чтению. Резко повысился показатель посещаемости, значительно снизилось число дисциплинарных взысканий.

Ситуация изменилась настолько радикально, что Смоки-роуд присвоили статус Заслуженной школы штата Джорджия, обучающей по программе Title I*, и Школы 2011 года, работающей по программе MetLife Foundation-NASSP** Breakthrough School, за выдающиеся достижения на ниве обучения большого количества малообеспеченных учащихся. А Лори Бэррон в 2013 году стала «Директором года» среди руководителей школ средней ступени согласно рейтингу MetLife/NASSP [1].

Лори Бэррон сумела понять, насколько отчаянно Смоки-роуд нуждается в реформах, причем не ради выполнения

* Федеральная программа финансирования школ с высоким контингентом неуспевающих учащихся из малообеспеченных семей. Прим. ред.

** National Association of Secondary School Principals — Национальная ассоциация директоров средних общеобразовательных школ. Прим. ред.

требований штата или соответствия федеральным стандартам, а в тех, которые вызревают в самых низах и видны только тем, кого действительно волнуют проблемы качественного обучения. Лори воплощает в жизнь реформы, насущно необходимые в наших школах. Однако, как нам с вами скоро предстоит убедиться, разные люди вкладывают в слово «реформа» разный смысл.

Движение за стандартизацию образования

Реформы в сфере образования — явление отнюдь не новое. Дебаты о том, каковы его цели и как следует учить детей, велись всегда. Но сегодня все довольно сильно изменилось. Современное движение за стандартизацию образования приняло поистине глобальный характер. Известный финский ученый и ведущий обозреватель международных тенденций в образовании Паси Сальберг весьма точно окрестил его как Движение за глобальную реформу образования, или GERM (Global Education Reform Movement), что в переводе с английского означает «возбудитель инфекции». И речь, кажется, действительно идет о серьезной заразе — судя по тому, сколько стран в последнее время подхватили ее. Прежде национальная политика в области просвещения считалась в основном внутренним делом государства. В наши же дни правительства изучают и исследуют образовательные системы друг друга не менее тщательно, чем политику в области государственной обороны.

И, надо признать, политические ставки тут очень высоки. В 1992 году Билл Клинтон заявил, что хотел бы войти в историю как президент-реформатор просвещения. По его стопам пошел и Джордж Буш, сделавший реформу в сфере образования основным приоритетом своего первого президентского

срока. В традиционном радиообращении к Америке в январе 2002 года, накануне дня Мартина Лютера Кинга, Буш сказал, что считает образование вопросом соблюдения гражданских прав нашего времени, и добавил: «Мы победили институализированный фанатизм, против которого боролся доктор Кинг... Теперь наша задача — добиться того, чтобы каждый американский ребенок имел равные шансы на успех в жизни» [2]. Президент Обама также рассматривает реформу образования как один из приоритетов своего правления. Похожая картина и в других странах. В Китае грандиозные реформы в области образования стали центральным элементом возрождения нации [3]. Дилма Руссефф, первая женщина-президент Бразилии, считает просвещение краеугольным камнем государственной стратегии обновления [4]. Иными словами, куда ни глянь, образование стоит на повестке дня правительства всего мира.

Начиная с 2000 года мощнейшим толчком для движения за стандартизацию образования стали рейтинги успеваемости учащихся, проводимые в рамках PISA*. Эти рейтинги составляются по результатам стандартных тестов по математике, чтению и естественно-научным дисциплинам. Разрабатываются они Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая базируется в Париже. Тестирование PISA проводится среди пятнадцатилетних подростков в самых разных странах мира каждые три года. Число стран, принимающих участие в этой программе, выросло с тридцати двух в 2000 году до шестидесяти пяти в 2012 году, а количество тестируемых учащихся увеличилось за этот период почти вдвое, с 265 до 510 тысяч человек [5].

* Program for International Student Assessment — Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся. *Прим. ред.*

Существенно усилилось и политическое влияние PISA. В 2001 году результаты тестирования вызвали весьма умеренный интерес европейской прессы, а в 2013-м стали главной новостью в СМИ всего мира и истинным потрясением для правительства некоторых стран [6]. Сегодня министры образования меряются рейтингами своих стран, словно культуристы бицепсами. Так же как СМИ, они, судя по всему, относятся к этим рейтингам как к абсолютному мерилу их достижений на просветительской ниве.

Китайский округ Шанхая впервые принял участие в ранжировании PISA в 2009 году, заняв первое место во всех трех категориях (математика, чтение, естественно-научные дисциплины). Эти результаты до глубины души потрясли западные страны. В 2012 году Шанхай вновь оказался в первых рядах; за ним следовали Сингапур, Гонконг и Китайский Тайбэй. Западная пресса тут же начала наперебой рассуждать о мощности «азиатской модели» образования и все громче призывать политиков своих стран к повышению образовательных стандартов, которые якобы позволят идти в ногу с глобальной конкуренцией.

Министр образования США Арне Дункан прокомментировал ситуацию следующим образом: «Общая картина успеваемости американских учащихся по рейтингу PISA за 2012 год очевидна и крайне неприятна: это картина застоя в сфере образования». По его словам, «данные результаты должны стать сигналом пробуждения, который поднимет нас на борьбу с самодовольствием и заниженными требованиями в области образования. Проблема не в том, что наши пятнадцатилетние дети успевают сегодня хуже, чем раньше.... [Проблема в том, что] они все чаще не чувствуют под ногами твердой почвы. Мы топчемся на месте, в то время как другие высокоэффективные страны начинают нас уверенно

опережать» [7]. После подобного спича стоит ли удивляться, что масштабная общенациональная программа финансового стимулирования с целью повышения уровня среднего образования путем введения более высоких стандартов и тестирования, которую реализует администрация Обамы, получила название «Гонка за первенством» (Race to the Top) [8].

Почему же образование стало столь острым политическим вопросом? Первая причина *экономическая*. Уровень образованности нации чрезвычайно важен для ее экономического процветания. В результате стремительного развития цифровых технологий и мощного прироста населения бизнес в последнюю четверть века претерпел поистине радикальные изменения. Попутно резко усилилась экономическая конкуренция в сфере торговли, производства и услуг. Правительства всех стран отлично понимают, что компетентная, квалифицированная рабочая сила имеет решающее значение для процветания национальной экономики. В связи с этим их политическая риторика щедро приправлена рассуждениями о важности новаторства, предпринимательства и «навыков XXI века». Именно поэтому они выделяют на образование огромные деньги, и именно поэтому оно превратилось сегодня в одну из крупнейших индустрий в мире. Только в США затраты на образование и профподготовку составили в 2013 году 632 миллиарда долларов [9]. В масштабах планеты эта сумма перевалила за 4 триллиона [10].

Вторая причина *культурная*. Образование — один из основных способов, которым сообщество из поколения в поколение передают свои ценности и традиции. Для одних это возможность защитить культуру от внешнего влияния, для других — инструмент пропаганды культурной толерантности.

Так что накал политических страстей вокруг образовательного контента отчасти объясняется его высокой культурной значимостью.

Третья причина *социальная*. Одна из заявленных целей государственного образования заключается в предоставлении всем учащимся, независимо от социального статуса и материального положения, шанса процветать, преуспевать и стать активными и неравнодушными гражданами своих стран. На практике правительства также хотят, чтобы образование продвигало и пропагандировало установки и поведенческие модели, необходимые, по их мнению, для социальной стабильности общества. Естественно, в каждой политической системе они разные.

Четвертая причина *личностная*. Большинство заявлений политиков, касающихся образования, содержат ритуальные пассажи о потребности каждого учащегося реализовать свой внутренний потенциал, что позволит жить полноценной и продуктивной жизнью.

И что же правительства предпринимают для достижения этих целей?

Усиление контроля

Сегодня правительства всех стран все активнее берут бразды правления государственным образованием в свои руки и все чаще указывают школам, чему и как учить; вводят новые системы тестирования, ужесточающие отчетность и все охотнее прибегают к штрафным санкциям в случаях, когда школы не показывают нужных результатов. В ряде стран правительства всегда играли в управлении образованием ощутимую роль, в то время как во многих других политики традиционно

держались от школ на солидном расстоянии. В США, например, образование в основном организовано на уровне штатов, и до недавних пор влияние федерального правительства на эту сферу было относительно слабым. Все изменилось в 2001 году, когда Конгресс США принял закон NCLB (No Child Left Behind — «Ни одного отстающего ребенка»). В последующие годы федеральные органы и власти штатов совместно потратили на тысячи программ и новых систем тестирования свыше 800 миллиардов долларов [11].

Однако, несмотря на некоторые существенные различия между странами, у реформаторских стратегий в сфере образования довольно много общего. Типичная история реформ выглядит следующим образом:

Высокоэффективная система образования играет решающую роль в процветании национальной экономики и борьбе с конкурентами. В связи с этим стандарты академической успеваемости должны быть максимально высокими, а школы должны отдавать приоритет дисциплинам и методикам преподавания, способствующим обеспечению соответствия этим стандартам. Учитывая неуклонный рост экономики, основанной на знаниях, чрезвычайно важно, чтобы как можно больше граждан страны получили высшее образование, в частности прошли четырехгодичный курс обучения в колледжах и университетах.

Поскольку эти вопросы слишком значимы, чтобы школы могли решать их самостоятельно, правительству следует контролировать установление образовательных стандартов, то есть определять содержание учебных программ, посредством систематического тестирования учащихся проверять соответствие этих программ установленным стандартам и неуклонно повышать эффективность образования путем ужесточения ответности и конкуренции.

Подобно истории образования в целом, которую я рассказал раньше, история образовательных реформ выглядит вполне убедительно, и она, как мы с вами скоро удостоверимся, тоже идет по ошибочному пути. Но сначала давайте посмотрим, что происходит на практике.

Повышение стандартов

Повышение образовательных стандартов на первый взгляд кажется весьма удачной идеей. Иначе какой вообще смысл в стандартах, если их опускать? Однако о каких именно стандартах идет речь? Почему мы выбрали именно их и как мы их внедряем? Привычная мантра звучит так: школа должна «вернуться к истокам». Эта фраза с притягательным простонародным подтекстом предполагает практичный, здравый подход к делу. Нечто сродни рекомендации есть больше овощей и избегать недосыпания. Но к каким истокам надо вернуться школе? У реформаторского движения четыре основных приоритета: чтение, письмо, арифметика; повышение академических стандартов; дисциплины STEM (см. далее) и поступление школьников в высшие учебные заведения.

В некоторых странах, в том числе в Великобритании и США, уже давно обеспокоены явно заниженными стандартами в области *грамотности* и *арифметики*. И в этом сторонники реформ, к сожалению, правы. Проблемы тут действительно есть, и они отнюдь не новы. Еще в 1983 году Министерство образования США опубликовало доклад под весьма красноречивым названием «Нация в опасности» [12]. Его авторы предупреждали, что США захлестывает нарастающая «приливная волна посредственности» и что это несет серьезную угрозу будущему экономики и социальному благополучию страны. Нынешние

реформаторы также считают приоритетным преподавание грамматики, правописания и пунктуации и основ математики.

Далее, сторонники движения за стандартизацию образования ратуют за повышение *академических стандартов*. Опять же: эта цель может показаться вполне обоснованной. Но академические занятия — лишь часть образовательного процесса. Они в основном включают определенные виды аналитического мышления, в частности с применением слов и цифр, и фокусируются на том, что обычно называют «*пропозициональным знанием*» (или «*знанием в виде высказываний*»). Как мы с вами убедимся, по ряду причин эта идея доминирует в образовании.

Кроме того, активисты движения за стандартизацию образования убеждены, что оно обеспечит лучшую подготовку учащихся к будущей трудовой деятельности и международной конкуренции, в связи с чем большое внимание уделяют так называемым дисциплинам STEM: естественные науки (*science*), технологии (*technology*), инженерия (*engineering*) и математика (*math*). И тут возникает весьма любопытное противоречие. С одной стороны, политики настаивают на увеличении объема академических дисциплин в школах, а с другой — прежде всего ратуют за экономическую релевантность школьного образования. И это притом, что ученых часто считают людьми чрезвычайно непрактичными, далекими от реального мира, этакими обитателями «башен из слоновой кости», с головой погруженными в чистую теорию. Как получилось, что науку в современном мире вдруг начали рассматривать как инструмент экономического спасения наций, — весьма любопытный вопрос, к которому мы еще вернемся.

И наконец, многие страны сегодня усиленно работают над увеличением процента выпускников школ, поступающих

в колледжи. В 1950-е и 1960-е годы в Европе и США в высшие учебные заведения шел примерно один из двадцати вчерашних школьников. С 1970-го по 2000 год наблюдался глобальный рост почти на 300 процентов [13]. В настоящее время, по крайней мере в развитых странах, примерно каждый третий выпускник средней школы настроен на поступление в колледж или университет. По сути, многие наши современники считают это конечной целью школьного образования [14].

И что же нынешние реформаторы делают для продвижения этого плана действий? Используют три основные стратегии: стандартизация, конкуренция и корпоратизация.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ

Формальное обучение состоит из трех основных элементов: учебной программы, преподавания и оценивания. Базовая стратегия заключается в их максимальной стандартизации. Сегодня во многих странах действуют четкие принципы, устанавливающие, чему должны учить школы, как правило, для каждого года обучения; это своего рода общенациональные учебные программы. Они есть в Великобритании, Франции, Германии, Китае и еще целом ряде государств. Некоторые другие страны — например Финляндия, Сингапур и пока еще США — практикуют менее жесткие схемы.

Большинство общенациональных учебных программ построено на идее отдельных предметов; для многих систем характерна их четкая иерархия. На верхушке иерархической лестницы обычно находится письмо, чтение и арифметика, а в последнее время еще и дисциплины STEM. Далее идут гуманитарные предметы: история, география и общественные науки. Поскольку движение за образовательные стандарты сосредоточено в основном

на академическом образовании, практическим дисциплинам (изобразительное искусство, драма, танец, музыка, дизайн, физическое воспитание), которые считаются неакадемическими, уделяется значительно меньше внимания. Если говорить конкретно об искусстве, то изобразительному искусству и музыке, как правило, отдается больший приоритет, чем драме и танцу. Последним двум зачастую не обучают вовсе. Из программ многих школ сегодня также исчезли и такие полезные уроки, как труд и домоводство. Некоторые страны полностью отказались от ассигнований на эти «несущественные» предметы.

Что касается *преподавания*, то тут движение за стандартизацию образования отдает явное предпочтение изложению фактического материала и обучению навыкам, а также работе учителя со всем классом, а не групповым видам деятельности. Сторонники движения довольно скептически относятся к творчеству, самовыражению и невербальным, нематематическим методам работы и обучения посредством исследования окружающего мира и творческих игр, даже если речь идет о дошкольных учреждениях.

В случае *оценивания* движение за образовательные стандарты делает упор на формальные письменные экзамены и активное использование тестов множественного выбора, позволяющих без особого труда кодифицировать и обрабатывать ответы учащихся. При этом его сторонники не слишком жалуют такие оценочные методики, как курсовые, подборки творческих работ, тесты, оценивающие знания по пониманию, а не по запоминанию, субъективные оценки учителей, взаимные оценки и другие подходы, результаты которых намного труднее представить в числовом выражении. Этим, кстати, отчасти объясняется, почему школьники столько времени проводят за партами, работая самостоятельно.